

Маленький человек выбивается из сил

Давний сосед и друг старого коммивояжера Чарли с искренним удивлением говорит Вилли Ломеу: «Единственное, что ценится в нашем мире, это то, что можно продать. Смешно, ты всю жизнь торгуешь, а этого еще не понял». Но Чарли удивляется зря — на самом деле в непонятности Ломена нет ничего смешного. Через многотрудную жизнь и наперекор всем злым превратностям своей жалкой профессии пронос он упрямо и навязную веру в «личные качества, личные обаяние», которые «всегда побеждают». То обстоятельство, что его собственные личные качества не принесли ему ни одной победы, он склонен отнести единственно за счет неблагоприятного к нему случая.

«Крепким, обаятельными, мастерами на все руки» мечтал он воспитать сыновей, но старший из них вырос озлобленным и отчаявшимся неудачником, а младший, по горькому признанию его матери, стал пустым и черствым ничтожеством. Владелец фирмы, которой он, Ломен, отдал чуть не сорок лет жизни, с брезгливой вежливостью выбрасывает его на улицу; сил становится все меньше, а долгов больше.

В тоске и отчаянии обращается он к мысли о самоубийстве: страховая премия, которую получит семья, сразу разрешит все вопросы, которых он не сумел решить долгим и честным трудом.

Где-то на окраине огромного, многоэтажного каменного города примостился крохотный, безащитный домик коммивояжера. Небоскребы обступили его, закрыли небо и весь мир — «шею себе свихнешь прежде, чем увидишь

«СМЕРТЬ КОММИВОЯЖЕРА»
НА СЦЕНЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ДРАМЫ
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

хоть одну звезду над этим двором». Необыкновенно выразителен артельный образ спектакля, созданный художником А. Тышлером. Не устойчивые, жесткие геометрические линии реальных построек, а зыбкие, колеблющиеся, как в тускнеющем человеческом сознании, очертания небоскребов сливаются со всех сторон маленького человека Вилли Ломена, пригибают его к земле, не дают дышать и отнимают у него солнечный свет и мерцающие звезды, достоинство и надежду.

Страстно и талантливо рассказана в спектакле Театра драмы имени А. С. Пушкина трагическая судьба Вилли Ломена. Задача постановщика Р. Суловича была особенно трудна потому, что правдивая и гневная пьеса Артура Миллера построена очень сложно, воспоминания в ее действии вторгаются в сегодняшний день, прошлое и настоящее выстраиваются в один ряд, мертвые говорят с живыми.

Миллер повествует о жизни Вилли Ломена как человека, в полном смысле слова потрясенный открывшейся ему правдой. Рассказ его лихорадочен, беспокоен, не всегда последователен, и логика его по отношению к внутреннему; она может быть раскрыта и прослежена только углубленным сценическим прочтением произведения. В самом характере Вилли Ломена, в его напряженной, доверчиво и честно прожитой жизни увидел режиссер основу внутреннего единства пьесы. Поставленный им спектакль стал своего ро-

да памятником безвестному маленькому человеку, рядовой жертве собственничества, наживы, бессердечия — трех китов пресловутого «свободного предпринимательства».

Уже в первой встрече с Вилли Ломеном мы узнаем многое о его безрадостном существовании. Отяжелевший от своих шестидесяти трех лет, мучительно стыдящийся усталости и одышки, своих неудач и бессилия, возвращается Вилли Ломен — Ю. Толубеев из очередного коммивояжерского путешествия. Странно смешались в этом человеке подавленность и гордость, старческое отчаяние и ребячья надежда, беспечность и подвижность.

О Вилли Ломене говорят, что у него «золотые руки», и это сушая правда. Он все умеет, все, за что ни берется, делает ловко и быстро, на редкость хорошо. Но, удивительная вещь, за всю его долгую жизнь его «золотые руки» не нашли себе настоящего применения.

— Я уже заложил фундамент своего будущего в этой фирме, Бен, — обращается Вилли к своему умершему брату, — а если человек что-нибудь строит, он ведь не верном пути?

И Бен сурово и безжалостно отвечает ему:

— Что ты построил? Ну-ка, потрогай рукой.

В горестном и простодушном недоумении пытается Вилли Ломен — Толубеев обеими руками опереться на сотворенное им, но руки его и все туловище, не найдя опоры, опускаются ниже и ниже. Сжимается маленький человек, как бы вочую убеждает в том, что жизнь прожита апустую. Он спрашивает и сам

себе отвечает, удивляется, жалует себя и смеется над собой одновременно. С настоящим вдохновением проводит эту сцену Толубеев, вкладывает в нее такую силу обобщения и жизненной правды, какие доступны только очень большим художникам.

Сила истинного сценического открытия заключается в том, что оно связывает всеюду самые неожиданные и противоречивые человеческие черты, объясняет характер во всей его сложности и в этой самой сложности находит ясность и простоту. Именно так играет Толубеев. Благодаря актеру мы увидели, что неотделимы

нет протестовать и сопротивляться. От этого переживаемая им личная катастрофа кажется особенно страшной. Ему достаточно было бы своего крохотного счастья, освобождения от долгов, удач сыновей, чтобы считать жизнь устроенной великолепно. Но «свободным» предпринимателем не нужны его преданности и он сам, — им нужна нажива, и если Ломен оказывается неспособным служить орудием этой наживы, они выбрасывают его, как выжатый лимон, отнимают у него кров и хлеб. И вокруг ничего не осталось: ни человеческого тепла, ни надежды, одна толь-

ко равнодушная и жестокая ложь, ярде той, которую Ломен услышал от своего хозяина Говарда.

Но ведь ложь порождает ложь, слабость тянет за собой слабость. В семью Ломена проникает тот же обмен и черствость, с которыми он столкнулся за пределами дома; ему лгут и его отталкивают сыновья, рвали которых он прожил свою незадачную жизнь. С огромной силой перо режет Толубеев отцовскую нежность Вилли, тоску по близости и пониманию, трогательную лодатливость его сердца,

И в сценах, в которых предстает прежний, молодой Ломен, счастливый семьянин, ласковый муж и наставник, нам становится особенно ясно, какое огромное душевное богатство растоптано в этом человеке уродливом собственническим миром, какая погублена светлая и добрая душа.

Ряд ролей в спектакле — сыновья Ломена Бифа и Хэлпи — исполняются в сценах сегодняшних и в сценах, возвращающих нас к давним прошедшим временам, разными актерами, а образ самого Вилли не изменяется. Даже Линда, жена Ломена, которую играет Н. Мамаева, предстает в разном внешнем обличье. Одина только Ломен: остается самим собой. В этой цельности облика коммивояжера — молодого и постаревшего — есть свой большой смысл. Режиссер и исполнитель как бы подчеркивают этим, что не вернутся те годы, не изменения, которые на склоне лет произвели или могли произойти в самом Ломене, приводят его к катастрофе.

Глубокая и трагическая правда звучит в словах Линды, сказанных ею над могилкой погибшего мужа: «Сегодня я внесла последний взнос за дом. Как раз сегодня. А в доме некому жить». Прожил человек тяжелую и безрадостную жизнь, ничего не добился, ни в чем не преуспел, «но он человек!» — и после его ухода остается незаполненная пустота. Эта мысль убедительно воплощена в спектакле, в темпериamentной и яркой работе режиссера, в потрясающей по своей реалистической глубине, искренности, внутренней силе и воодушевленности работе Толубеева.

С. ЦИМБАЛ

На снимке: сцена из II действия. Вилли Ломен — актер Лев Деминский, Чарли — народный артист СССР Ю. Толубеев (справа), Чарли — народный артист РСФСР В. Яценяц

Фото Д. Мовшина

Воспоминания Ломыча № 1. V. 59.